

ежемесячный
литературно-художественный
и общественно-политический
журнал
союза писателей Казахстана

ПРОСТОР

издается с 1933 года

1988

11

НОЯБРЬ

издательство ЦК компартии Казахстана
алма-ата

ПРОПАВШИЕ ПИСЬМА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

ЛЕГЕНДА И БЫЛЬ

Генрих Гейне говорил, что человек в разгаре своей деятельности похож на солнце.

Солнце слепит глаза, смотреть на него совершенно невозможно. Где тут пытаться выяснить, как оно устроено, определить, всегда ли было таким! Неудивительно, что о природе солнечного света мы судим порой по бликам на воде, по радуге и даже по ночному свечению луны. Все это не солнце, но его отражение.

Так часто мы заблуждаемся, когда судим о человеке, чья жизнь — всегда в поле зрения многих. Не случайно те, кто интересуется биографиями исторических личностей, *обна руживают*, что рассказ о жизненном пути каждой из них окутан самыми невероятными легендами.

Немало таких легенд создано и о Ф. М. Достоевском. Одни родились из устойчивых слухов, другие — из неосторожно сказанного слова, третьи придуманы, причем выдумщики руководствовались самыми различными соображениями.

В 1928 году журнал «Сибирские огни» опубликовал статью «Пропавшие письма Федора Михайловича Достоевского». Ее автор — Николай Васильевич Феоктистов был хорошо известен в Сибири как поэт, журналист, собиратель литературных сил. С 1910 года он живет в Омске. В 1917 году Н. В. Феоктистов работает в «Известиях Совета Рабочих и Солдатских депутатов». В 1918 году, за большевистскую направленность газеты «Вольный казак», которую он

редактировал, Н. В. Феокистов был приговорен к расстрелу. Чудом ему удалось бежать и скрыться в знакомых с детства степях Казахстана.

Его статья о Достоевском появилась в то время, когда он живет в Новосибирске, где редактирует сибирскую радиогазету, работает в отделе печати Сибкрайкома. Его помощью и поддержкой в это время пользуются Леонид Мартынов, Павел Васильев, Николай Титов, Сергей Марков, Иван Ерошин, Николай Анов и другие молодые писатели. Для них Феокистов — можно сказать это с полным правом — был мэтром, с мнением которого нельзя не считаться. Естественно, что написанное им о Достоевском, воспринималось с особым вниманием.

В 1908—1909 годах Н. В. Феокистов часто бывал в доме Никитиных, что в Семипалатинске. Здесь он познакомился с Елизаветой Михайловной Неворотовой, добродушной, молчаливой женщиной 70—72 лет. «На пожелтевшем, сравнительно гладком лице, как-то осторожно прорезанном морщинами старости, живо выделялись большие карие глаза, не совсем еще утратившие блеск далекой молодости. На щеке сидела небольшая темная родинка, которая в молодости ее обладательницы могла отлично сойти за удачно поставленную мушку. Все в ее внешности говорило за то, что в далеком прошлом Елизавета Михайловна была красивой, видной женщиной». Как дорогую ре-

* «Сибирские огни» 1928, № 2, с. 119—125.

ликвию хранила она пачку писем, полученных от Достоевского. Феокистову довелось держать их в руках — серую стопку исписанной бумаги, перевязанную «отцветшей от времени голубой ленточкой». И хотя Неворотова не позволила ему их прочесть, но на одном из писем Николай Васильевич сумел в словах «милая Лизанька», узнать почерк Достоевского. Неворотова говорила, что Федор Михайлович любил ее, был очень вежливым и обходительным человеком. Феокистов выяснил, что Достоевский познакомился с Лизанькой в 1854 году. Тогда на ее плечах лежала забота о младших сестрах и братьях. Девушка зарабатывала на жизнь тем, что на семипалатинском базаре продавала хлеб с лотка. Достоевский стал ее постоянным покупателем. Постепенно между ними, как пишет Феокистов, установились отношения, перешедшие «скоро в тесную дружбу, скрепленную чувством, быть может, еще более сильной сердечной привязанности». «Не следует забывать, — напоминает автор статьи, — что в эти годы Достоевский был исключительно беден и трагически одинок, и нет ничего удивительного, что его потянуло к этой полюбившей и, быть может, приласкавшей его красивой девушке». Однако вскоре Достоевский познакомился с Марией Дмитриевной Исаевой, и встречи с Неворотовой прекратились.

«Милая Лизанька» на всю жизнь сохранила верность своему чувству к Достоевскому и не вышла замуж. До самой смерти она сберегала письма, говорившие об отношении к ней Федора Михайловича. Она завещала письма Достоевского Феокистову. Но жизнь распорядилась иначе. В годы гражданской войны «превратились в дым целые архивы, целые библиотеки, — пишет Феокистов. — Очевидно, и письма не избежали общей участи, искуренные кучерами Губтрамота». И на-

* Что за организация скрывалась под этим неблагозвучным названием, можно лишь предполагать. В кладовые Губтрамота, судя по статье, было перевезено все имущество сестер Неворотовых.

верно, так никто бы и не узнал, о чем писал Лизаньке Достоевский, если бы не письмо к Н. В. Феокистову племянницы Неворотовой Нины Готфридовны Никитиной. Такой источник информации о содержании писем Достоевского указывает читателю автор статьи — Н. В. Феокистов. Он приводит пространные выдержки из письма Никитиной. В нем, в частности, говорится, что в «2-х десятках писем» Достоевский «подкреплял» Неворотову, без родителей воспитывающую большую семью сестер и братьев. «утешал ее тем, что задача ее велика, назначение свято, что она, как скульптор, может из того детского материала, который в ее распоряжении, вылепить хорошие изваяния, придав чертам будущего желательное направление честного человека и хорошего борца. Здесь Достоевский даже увлекался, идеализируя возможность и рисуя бедной девушке хорошие сбор плодов».

Письмо Никитинойстораживает некоторой высеренностью приводимых «рассуждений» Достоевского. С одной стороны лама точная психологическая мотивация взаимоотношений Достоевского с «молодой, веселой, ловкой и на слово и вообще интересной девушкой». В то же время складывается впечатление, что Г. Н. Никитина лишь по ходу своего письма, путем рассуждения, приходит к выводу о том, что мог писать Лизаньке Достоевский. Никитина, пытаясь воспроизвести способ образного мышления Достоевского, разоблачает себя. Не в духе автора «Бедных детей» и «Неточки Незвановой» говорить о воспитании детей, как об изготовлении из детского материала хороших изваяний. Он точно чувствовал неувимую изменчивость человеческой психики, пытался определить тончайшие переходы в настроениях своих героев. Высокопарно говорить о «направлении честного человека и хорошего борца» мог скорее современник Н. В. Феокистова, нежели Достоевский.

«Идя ей (Неворотовой. — В. В.) навстречу в ее желании иметь письменное общение с культурным человеком, — продолжает цитировать Никитину Феокистов, — он иногда писал ей комплименты и на ее часто полудетский лепет малограмотной женщины

подробно, тоном старшего, отвечал страницами письма. Скорее он писал для себя, забывая своего адресата, писал то, что накопилось невысказанным за долгие тяжелые и одинокие дни. Та искренность и теплое чувство, которыми были проникнуты послания Достоевского, говорят уже о том, что он сам был рад возможности взяться за перо и писать человеку, бесхитростно ориентирующемуся в своих переживаниях».

Последние слова Никитиной наиболее убедительны, потому что отражают реальное положение вещей. Достоевский, познакомившийся с Лизанькой Неворотовой в 1854 году, еще только мечтал о настоящей литературной работе и был рад каждому случаю, чтобы выговориться «до конца». Об этом свидетельствует стилистика его писем этого времени.

В целом статья Н. В. Феоктистова, несмотря на приведенные в ней воспоминания Н. Г. Никитиной и рассказ о встречах с Неворотовой — адресатом Достоевского — выглядит недостаточно достоверно. Все, о чем в ней говорится, могло быть, но чем подтвердить, что именно так было в действительности? Кроме честного имени Феоктистова никаких других подтверждений не было.

По моей просьбе дочери Н. В. Феоктистова — Галина Николаевна и Юлия Николаевна — отыскали в архиве отца два письма.

Одно из них — то самое письмо Н. Г. Никитиной, которое цитирует Феоктистов. Признаться, до тех пор, пока я не получил его в руки, не верил, что оно могло существовать. Казалось, что сам Феоктистов, создавая легенду, рассказал от лица Никитиной о содержании пропавшей переписки. (Письмо написано из Петропавловска, поэтому в дальнейшем я буду называть его петропавловским).

Второе письмо пришло Феоктистову из Семипалатинска (и поэтому пусть оно зовется семипалатинским). В нем также речь идет о письмах Достоевского. Но не случайно в своей статье Феоктистов о нем даже не упоминает...

Каждое из писем написано в определенной тональности. Одна — романтизированная, несколько сентиментальная. Другая — горькая, реалистическая, честная. У Феоктистова были причины избрать вариант, более работающий на создание определенной легенды, нежели тот, что был правдой. В 1928 году, когда статья была опубликована, такой выбор был обусловлен не только личными обстоятельствами.

Убеждая читателей в правдивости своего рассказа и в единственности приводимого им источника, Феоктистов писал, что Нина Готфридовна Никитина «была особенно дружна с покойной тетушкой. Только ей (здесь и далее выделено мной. — В. В.) разрешила Елизавета Михайловна однажды прочесть хранившиеся у нее письма». Однако письмо из Семипалатинска, о котором Фе-

октистов не упоминает, свидетельствует, что не только Никитина читала письма Неворотовой. Более того, закрадывается подозрение, что Никитина вовсе не читала писем Неворотовой, а лишь слышала об их содержании во время семейных разговоров. Странно и то, что Феоктистов вносит сознательную путаницу в датах. Он указывает, что получил цитируемое письмо «в конце прошлого (1927) года». Но на оригинале стоит точная дата: 20 марта 1927 года. Это непонятно тем более, что второе, семипалатинское письмо, пришло к нему также в первом полугодии 1927 года, 2 июня. И еще один вопрос остается без ответа. Женщина, написавшая Феоктистову из Семипалатинска, могла возмутиться вопиющим несоответствием между тем, что говорится в статье о пропавших письмах и их подлинным содержанием. Или Феоктистов знал, что никакого возмущения не будет?..

Что же писала Феоктистову его загадочная корреспондентка, подписавшаяся фамилией Губенко?

Содержание письма разительно отличается от приведенного Феоктистовым. Оно написано отнюдь не так цветисто, как первое. В нем, действительно, нет «личных сентенций и lamentаций», зато есть достаточно много «фактического материала», на отсутствие которого сетует Феоктистов.

Как выясняется, не «Лизанька» искала общения с Достоевским, а сам он, во всех письмах, «признавался в любви Неворотовой и настойчиво искал ее руки, предлагая свою жизнь в помощь воспитанию ее малолетних сестер». Такой тон более «похож» на Достоевского — не велеречивые рассуждения, а вся жизнь, предложенная открыто и просто.

Может быть, это мое личное ощущение, но, читая письмо Губенко, не испытываешь сомнений, как при чтении письма Никитиной, веришь ему, как горькой, но честной истине. И вот еще о чем думается при чтении письма. В последнее время мы учимся смотреть на видных государственных, общественных деятелей прошлого без излишней восторженности, как на живых людей, а не на вознесенные к облакам монументы. В писателе, чье творчество в первую очередь обращено ко всему духовному в нас, каждому хотелось бы разглядеть его человеческую сущность, разгадать тайну художественной одаренности. Мемуары современников, переписка, документальные свидетельства позволяют приоткрыть плотно задернутые занавеси личной судьбы. И, увидев в самых больших художниках чисто человеческие слабости, осознав, как незаслуженно много страдали они от людской нетерпимости, испытываешь чувство вины перед теми, кого судил слишком строго, кого пытался уложить в прокрустово ложе обывательской морали, приговаривая: «тебе много дано, с тебя много и спросится...»

«Характерно, что во всех письмах Достоевского, — пишет Губенко*, — было вы-

* Письмо Губенко привожу с соблюдением особенностей оригинала.

ражено чувство не как только к женщине, а как к человеку, в котором он искал найти не только женщину, а друга. Кроме того, проживая в Семипалатинске, Достоевский, судя по содержанию писем, а также и рассказов Неворотовой, был склонен к употреблению спиртных напитков, сознавая их пагубное действие, что им и было всегда отмечено в письмах Неворотовой вроде такого выражения: что согласие на брак, кроме удовлетворения его чувственных качеств, спасет его и от алкоголя. Всех писем было 18, из коих одно было написано в стихах, что меня крайне и поразило».

Как не испытать сострадание к Достоевскому, получавшему в годы солдатчины затрещины от унтер-офицеров... Страдания писателя лишь увеличивались от употребления алкоголя и, стремясь вырваться из его плена, Достоевский логично и разумно набрасывал своей избраннице черты будущего счастья... Вскоре Достоевский избавился от этого недуга. А И. Исаев, муж Марии Дмитриевны, умер от белой горячки. Всем сердцем стараясь облегчить горе становившейся ему все более симпатичной женщины, писатель должен был понимать, что потеряет ее, если она увидит в его судьбе возможность повторения участи погибшего мужа...

«Подлинность писем у меня не вызывает сомнения, она подтверждается, кроме знакомого мне характерного почерка Достоевского, кроме того и тем воспоминанием о Достоевском и отношением к его письмам Неворотовой, кои она хранила до глубокой старости (88 лет) как святыню. При разговоре всегда говорила: один только Федор Михайлович меня любил, но я своего счастья устроить не могла, т. к. должна была воспитывать малолетних сестер».

Иначе рассказывает Губенко и о судьбе, постигшей письма Ф. М. Достоевского. И опять больше веришь ей, чем Феоктистову, отнесшему гибель писем за счет канцелярской бюрократической неразберихи.

«Постижная судьба писем довольно трагична: письма были отобраны ЧК кав. дивизии во время обыска и, несмотря на уверения, что письма никакого отношения не имеют к политической стороне и принадлежат перу писателя Достоевского, на производившего обыск никакого впечатления не произвели. Последний по своему недостаточному развитию, а главное по недоверию, все же письма изъял со всей прочей перепиской, дальнейшая судьба их мне неизвестна.

Письма по родовой линии Неворотовой перешли в ведение моей семьи и лично мной хранились в отдельном портфеле и изредка прочитывались при воспоминании о Неворотовой».

Нетрудно понять, почему Феоктистов предпочел создать легенду, выбирая письмо Никитиной.

Разве мог он в 1928 году процитировать слова, так характеризующие сотрудника Чрезвычайной комиссии по борьбе с преступностью и саботажем? Раз в доме

Никитиных был обыск, значит они были под подозрением (а надо сказать, что для подозрений у сотрудников ЧК были основания — в доме Никитиных в 1918 году размещался белогвардейский штаб). Н. В. Феоктистов в прежние годы был дружен с Николаем Никитиным и частенько бывал у него в гостях... Изложи Феоктистов историю писем Достоевского такой, какой она была в действительности, — его очерк мог бы остаться ненапечатанным, а судьба автора могла бы сложиться иначе...

Разве мог Феоктистов написать, что Достоевский был «склонен к употреблению спиртных напитков» в то время, когда в условиях ожесточенной литературной борьбы отношение советской общественности к великому классику только вырабатывалось? Напомню, что в 1928 году увидел свет первый том академического издания «Писем» Достоевского, подготовленный к печати А. С. Долининым. Последующие три тома будут выходить с большим трудом на протяжении тридцати лет. В этом же году появились первые после Октября тома полного собрания сочинений Достоевского под редакцией Б. Томашевского и К. Халабаева. Сближая Достоевского с Шекспиром, как с «художником, выразившим и гигантский развал, гигантские сдвиги и неожиданные столкновения своей эпохи» (Луначарский), современники Феоктистова, принадлежавшие к разным политическим лагерям, поперебой объявляли его своим идеологом. Неосторожно приведенные новые факты биографии Достоевского могли стать острым политическим оружием. Не секрет, что до сегодняшнего дня есть в переписке друзей Достоевского обстоятельства, о которых предпочтительнее молчать из опасения всколыхнуть мутную волну нездорового интереса к биографии Мастера.

Феоктистов понимал, что находится в выгодном положении по отношению к читателям. Он держал в руках всю пачку затем утраченных писем, прочел даже несколько слов из них. Он получил два названных письма и, опросив семипалатинских краеведов, пришел к выводу, что никто из них ни о знакомстве Достоевского с Неворотовой, ни об их переписке ничего не знает.

Глубоко симпатизируя, сострадая Достоевскому, полагая, что для любви широких масс к писателю необходимо создать приподнятый, идеализированный его образ, он реконструирует в своей статье реальную историю, расцветивает ее романтическими деталями, облагораживая и возвышая облик писателя.

Он отвергает даже слышанные им самим воспоминания А. И. Згерской-Каши о том, что Достоевский был «учтивым и любезным кавалером»... Феоктистов отвергает все, что позволяет увидеть писателя обычным человеком, проводит свою, идеализированную концепцию пребывания Достоевского в Семипалатинске. Там Достоевский — «изгой». И только «старый семипалатинский базар

с веселой, молодой калашницей Лизой подарил ему первые радости возвращающейся жизни...»

Легенда о пропавших письмах Достоевского — не единственная в сибирской части его биографии. Неясным остается вопрос о дате выхода Достоевского из Омского острога. Исследователи считают, что по неустановленным причинам писателя задержали в камере до трех недель. О том, как обстояло дело в действительности, судить нельзя до тех пор, пока не будет найден соответствующий документ.

Не установлено, кто хранил листки с записями Достоевского в омском военном госпитале. До сих пор не обнаружен «скорбный лист» — история болезни Достоевского. В переписке писателя упоминаются люди, о судьбе которых до сих пор известно очень мало. Следовательно, до создания научной биографии Достоевского еще далеко. История с пропавшими письмами — лишний раз подтверждает это.

В. ВАЙНЕРМАН

Омск.
